

О. Северская
Москва

**«На пороге двух миров»
(о прагматической переменной ЗДЕСЬ
в творчестве И. Анненского и А. Ахматовой)**

Здесь мы с тобой лишь чудо...
И. Анненский

Ну-с, перечень наших чердачных чудес:
Здесь нас посещают и ангел, и бес...
А. Ахматова

О роли местоимений в поэзии И. Анненского и А. Ахматовой написано немало¹. Особое пристрастие к ним поэтов, чьи строки, по образному определению В.В. Виноградова, подернуты «дымкой неопределенных указаний», легко объяснить. Слова этой части речи имеют специфическое отвлеченное значение, которое конкретизируется лишь в определенном контексте или ситуации. А это их свойство как нельзя лучше отвечает провозглашенному Анненским и усвоенному Ахматовой принципу: поэзия не изображает, она намекает на то, что остается не выраженным. Кроме того, и Анненскому, и Ахматовой свойственна манера изображения, запечатлевающего кульминационный момент лирического напряжения *in medias res*². И в этом случае принцип начала художественного повествования «без предисловий» эксплуатирует другое свойство местоимений и местоименных наречий. Именно они, отождествляя объекты, события, пространственно-временные отрезки, указывают на присутствие в тексте говорящего и его точку зрения³, а значит, позволяют обрисовать границы тех фрагментов поэтического мира, которые наиболее важны для восприятия текста читателем. Местоименное наречие *здесь*, которое принято называть «наречием первого лица», превращается в этом случае в «фокус» восприятия поэтической си-

туации: оно не только указывает на лирическое «я», но и определяет место, время и обстоятельства поэтического события⁴.

Богатый материал для изучения семантики и функций этой лексемы дает соответствующая статья выпускаемого Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН «Словаря языка русской поэзии XX в.»⁵. По замыслу его создателя В.П. Григорьева, «это прежде всего очерк поэтического мира XX в.»⁶. Как и другие лексемы, указательные слова, к которым относится *здесь*, представлены в нем как экспрессемы⁷ в культурно-исторической парадигме контекстов их употребления. Поскольку в семантическое поле *здесь* с необходимостью попадают и лексемы *сейчас*, *там* и *тогда*, и местоимения *я* и *ты*, материалы эти дают возможность и описать особенности мировосприятия одного поэта, и сравнить отдельные творческие почерки — в данном случае И. Анненского и А. Ахматовой.

Первые выводы можно сделать уже, сравнив частоту обращений к этой лексеме: если у Анненского *здесь* встречается всего лишь в 24 контекстах, то у Ахматовой словарь регистрирует уже 58 употреблений, и дело не только в разных объемах поэтического наследия, а в установке на символизм или реалистичное изображение. У Анненского гораздо больше поэтических событий происходит *там*, *здесь* становится скорее отправной точкой путешествия в мир грез. А Ахматовой *здесь* необходимо как точка опоры — для обозначения того фрагмента действительности, в котором земной мир предстает в своем многообразии, в зримой конкретности, звучности, красочности фрагмента, «узнаваемого» для читателя⁸.

Обычно исследователи связывают обращение этих поэтов к указательным словам с категорией определенности/неопределенности. У Анненского, по наблюдению А. Барзаха, они обозначают точку перелома, иллюзорного совпадения стиха и мира, максимально отождествляя сам стих с останавливаемым им мгновением⁹. У Ахматовой Т.В. Цивьян усматривает «неопределенность, амбивалентность и кажущуюся случайность указаний», подразумевающую наличие в тексте «глубинного уровня, рассчитанного на посвященного»¹⁰. Эту особенность отмечал и В.В. Виноградов: по его мнению, в поэзии Ахматовой, исповедующей стиль «лирического дневника», «речь строится с установкой на одно восприятие, на восприятие “своих людей”, которым многое понятно с полуслова, но с объективным расчетом попасть в другое»¹¹: «В речи, обращенной к “милому” или вообще к хорошо знакомому человеку, тем более в дневнике, ко-

торый пишется для себя, нет необходимости называть все вещи их именами или их описывать, достаточно на многие из них указать, и будет понятно, кому это нужно. А другие (госп. читатели) должны догадываться о смысле таких указаний из последующих (сюда относящихся) намеков, а то просто воспринимать их как эмоционально настраивающие аксессуары интимно-взволнованной речи, которая чужда логической определенности и точности»¹². И.И. Ковтунова придерживается той же точки зрения, поясняя: «В “речи для себя” адресат речи совпадает с ее автором... Поэтому местоименные указания, часто эмоционально насыщенные (своего рода «эмоциональные жесты»), для такого типа лирики естественны и органичны»¹³. Все это в полной мере касается и местоименного наречия *здесь*.

В самом общем случае *здесь* является простым указанием на конкретное «место действия», локус, в котором происходит лирическое событие (что соответствует словарному значению ‘в этом месте’). В «буквальном» значении *здесь* у Анненского встречается только один раз: *Здесь [в Ялте] вечер как мечта: и робок и летуч* (в скобках заметим: прямого указания на место действия в тексте нет, авторы Словаря восстанавливают его по комментариям). У Ахматовой таких употреблений больше, но все же они единичны: *Здесь [на Кавказе] Пушкина изгнание началось И Лермонтова кончилось изгнание. Здесь горных трав легко благоуханье; Здесь был фонтан, высокие аллеи, Громада парка древнего вдали* [о Царском Селе]; *Путь мой жертвенный и славный Здесь [в Киеве] окончу я; Весь ты сыгранный на шарманке, Отразившийся весь в Фонтанке, С ледоходом уплывший весь <...> Не напрасно бродила здесь* [о Ленинграде]; ср.: *Я здесь, на сером полотне* [на портрете], *Возникла странно и неясно*. Смысл указательного слова в стихах Ахматовой проясняют другие «указатели». К конкретному месту действия может отсылать заглавие стихотворения (как в первом примере — *«Кавказское»*). А в других случаях в текст вводятся «приметы», благодаря которым и осуществляется «привязка к местности» (*фонтан, аллеи, древний парк, черный крест Владимирского собора, Фонтанка*), но сам локус либо вообще не называется (Царское село, о котором идет речь, «прячется» за местоимением: *О, горе мне! Они тебя сожгли...*), либо обозначается обобщенной номинацией (*древний город* вместо *Киев*, *город* вместо *Ленинград*). Так же и в последнем из приведенных примеров прописываются приметы портрета: *Взлетевших рук излом больной, В глазах улыбка исступленья*, внимание читателя привлекают и тревожно заалев-

ший рот, снеговые щеки, но сам неоконченный портрет так и остается безмянным, как и любой другой. Как замечает И.И. Ковтунова, референтная неопределенность *здесь* в таких случаях эстетически оправдана: «Точное обозначение места может явиться такой эмпирической деталью, которая вносит излишнюю, ненужную, противопоставленную лирическому жанру конкретизацию»¹⁴; заменяя его, «местоименное указание отвлекает лирический сюжет от всего узко конкретного, переносит его в “надконкретную ситуацию”, придавая ему характерную для лирики обобщенность»¹⁵. Действительно, даже при указании на конкретное «место действия» в значении *здесь* ощущается легкий «перенос» по смыслу. И у Анненского: *Для тебя душистые левкои Здесь ковром раскинулись одни...; Хорошо здесь тихим думам Литься в капельки чернил; Ночью мне совсем не спалось, Не попробовать ли здесь?* И в особенности у Ахматовой: *Здесь [в саду] мой покой навеки взят Предчувствием беды; Здесь [на башне] солнца луч последний торжествует; [о Царском Селе] Здесь все мертво и немо, Как будто мира наступил конец; [о лит. кафе «Бродячая собака» в Петербурге] Все мы бражники здесь, блудницы, Как невесело вместе нам!* Слово *здесь*, по наблюдению И.И. Ковтуновой, «служит не только пространственным локализатором, но символизирует некую область душевного бытия»¹⁶. Действительно, это местоименное наречие часто играет роль оператора экстренного введения в мир чувств, ср.: у Анненского: *Что видел здесь я, кроме зла и муки...; Пока дышит во сне резеда — Здесь ни мук, ни греха, ни стыда...;* у Ахматовой: *Здесь напрасным кажется мечтать; Здесь мы и помыслить не можем о том, Чтобы присниться друг другу; Здесь одиночество меня поймало в сети...* При этом чувства охватывают как внутренний мир лирического героя, так и окружающий его внешний мир, они буквально «разливаются» в природе: *И грустно мне не потому, что беден Наш пыльный сад, что выжжены листья, Что вечер здесь так утомленно бледен* (Анненский); *Здесь северно очень — и осень в подруги Я выбрала в этом году* (Ахматова)¹⁷.

Говоря о нетривиальном использовании Ахматовой местоимений, Т.В. Цивьян отмечает едва уловимые сдвиги значений и их отклонения (на первый взгляд незначительные) от нормы: «привычные точки опоры, однозначные указания времени и пространства, расположение в них героев и событий и т. п. смещены, завуалированы»¹⁸. Так, в следующем примере *здесь* указывает на то, что лирическое событие происходит не только «в этом месте» (авторы «Сло-

варя русской поэзии XX века» указывают как локус «берег моря»), но и «в этот момент», не только на глазах, но и в присутствии читателя: *Над мертвой медузой Смущенно стою; Здесь встретилась с Музой, Ей клятву даю.* Интересно, что даже тогда, когда лексема *здесь* используется Ахматовой в словарном значении «в этом случае, в данных обстоятельствах», она приобретает символическое пространственное значение: *И дружба здесь бессильна, и года Высокого и огненного счастья, Когда душа свободна и чужда Медлительной истоме сладострастья.* Похожий пример можно найти и у Анненского: *Да и при чем бы здесь недоуменья были — Любовь ведь светлая, она кристалл, эфир,* однако у него подобные употребления не входят в систему, чего не скажешь о его «ученице», придающей пространственное значение и частице *там*, что «превращает» ее в соотносимое со *здесь* местоименное наречие: *А вы, мои друзья последнего призыва! Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена. Над вашей памятью не стыть плакучей ивой, А крикнуть на весь мир все ваши имена! Да что там имена! Захлопываю святцы — И на колени все!..*

Несмотря на то, что смысловая оппозиция «здесь» — «там» присутствует в сознании поэтов Серебряного как культурно-языковой стереотип, воплощается она в поэзии Анненского и Ахматовой по-разному. Ахматова, как и большинство поэтов ее времени, использует местоименное наречие *здесь* как указание на «мир сей», которому противостоит «мир тот» с координатой *там*. При таком противопоставлении, замечает И.И. Ковтунова, «слово *там* указывает на абстрактные сущности, неявные миры, на различные сферы внутренней жизни»¹⁹, а «коррелятивная пара *здесь — там* может очерчивать мгновенно охватываемый поэтическим сознанием пространственный диапазон»²⁰. У Анненского же *здесь* и *там* осмысляются не только «общепозитически», но и в контексте христианского и античного, языческого и платоновского двоемирия, тесно переплетенного с «мифологемой» его «жизнетворчества», подчеркивает О.Ю. Иванова²¹: «“Здесь” традиционно понимается как “этот свет, свет подлунный”, то есть жизнь, а “Там” как “тот свет”, загробный мир, рай или ад, но в любом случае мир, свет, доступный человеку только после его физической смерти и для каждого в меру его вины в “этом” мире окрашенный либо в положительные, либо в отрицательные тона», а у Платона это «двоемирие, поделившее бытие на “Здесь” (мир теней) и “Там” (мир идей)», с концептами Пещеры, Красоты и прочими»²².

Порой у Анненского *здесь и там* предстают как две части неразрывного целого, даже если они по чьей-то воле разделены: *Дыханье дав моим устам, Она [Незримая] на факел свой дохнула, И целый мир на Здесь и Там В тот миг безумья разомкнула* — поэт, а вместе с ним и читатель, как бы оказываются *на пороге* двух миров, Анненский так и озаглавливает свое стихотворение. О.Ю. Иванова замечает, что в «На пороге» *здесь и там* становятся синонимами *жизни и смерти*, «закономерных рамок человеческого бытия», как и оба слова заглавия в стихотворении «То и Это»²³. Два мира у Анненского часто противопоставляются, как, например, в «Рождении и смерти поэта»: *Творцу волшебных песнопений Не надо ваших слез и пений: Над ним горит бессмертный день В огнях лазури и кристалла, И окровавленная тень Там тенью розовую стала, А здесь печальной чередою Всё ночь над нами стелет сень...* Интересен пример такого противопоставления в пародии «Из Бальмонта»: *О белый Валаам, <...> О тайна Далай-Лам, Зачем я здесь, не там И так наалкоголен, Что даже плыть не волен По бешеным валам*, далее упоминаются «не лежалый» кинжал Бальмонта, *что машет здесь и там, всегда с одним азартом* (в любом месте, в любых обстоятельствах), и брюсовский «Скорпион», жалящий *здесь и там* (то в одно место, то в другое) античную буколическую козочку, и становится понятно, что читатель имеет дело с профанацией сакральных символов. У Ахматовой таких прямых противопоставлений практически нет (единственный пример: *О, там ты не путаешь имя Мое. Не вздыхаешь, как здесь*), однако они обнаруживаются в подтексте.

В семантическое поле лексемы *здесь*, как показывают материалы «Словаря языка русской поэзии XX века» (а в них отражено творчество десяти крупнейших поэтов минувшего столетия), попадают *земля, песок, тьма, плоть, Дьявол, время, миг*, в поле *там* — *небо, облака, море, река, волна, свет, огоньки, лучи, сумрак неизвестный, туманы, дым, смерть* (и все, что с нею связано: *ужас, страх, могила* и т.п.), *простор за окном, за горизонтом, сад, обетный край, храм, душа, Бог, молитва, века, вечность*²⁴. По ключевым словам в тексте можно восстановить координату *там*, даже если она представлена имплицитно. В некоторых стихах Анненского подразумеваемое *там* ассоциируется с мучением, страхом приближающейся смерти, смертным ознобом: *На консультации вчера здесь Смерть была И дверь после себя оставила открытой; Я здесь любил, я здесь был молод, И дальше некуда?... Домой Пришел я в этот лунный холод?* В других — с теньями, лучами, появляющимися, по выражению О.Ю.Ивановой, как «ред-

кая улыбка Бога в редких просветах туч», провозвестниками истинной красоты, к которым устремляется душа из «пещерного» *здесь*: *А все ведь только что сейчас Лазурно было здесь...; Что видел здесь я, кроме зла и муки, Но все простил я тихости теней*, — «*тот мир с его миражным раем*» проявляется в «*этом мире*» благодаря творческому усилию. В этом, по наблюдению О.Ю. Ивановой, и проявляется влияние Платона: «В таком контексте “Здесь” — это Пещера, жизнь с ее тяжелой реальностью, приковывающая цепями “скука жизни”, ... безысходность. <...> “Там” — истинная Красота и Благо, свет Жизни, Отчизна, но путь “Туда” закрыт. <...> В заполненном творчеством мгновении искусство соединяет с вечностью Красоты (Блага), и именно оно творит ее “тени” в Пещере» (Указ. соч., 62).

Ахматова, на первый взгляд, перенимает такую мотивировку совмещения координат *здесь* и *там* у своего «учителя»: *А пришла по трудной дороге, Чтобы здесь озаренной стать; Здесь столько лир повешено на ветки*; и так же в реальной жизни ощущает дыхание смерти: *А здесь уже вошла хозяйкой гибель...; О, сколько раз вот здесь я холодела, И кто-то страшный мне кивал в окне; В узких каналах уже не струится — Стынет вода. Здесь никогда ничего не случится, — О, никогда!* Однако ее *там* по большей части — конкретный локус лирического события, а не абстрактная сущность: *И там, где сердце ныло от разлуки, — Там мать поет, качая колыбель; Синий вечер. Ветры кротко стихли, Яркий свет зовет меня домой. Я гадаю. Кто там? — не жених ли, Не жених ли это мой?.. На террасе силуэт знакомый, Еле слышен тихий разговор...* Значение местоименного наречия *там* в приведенных примерах уточняется с помощью референциальной отсылки, но инверсия обычного порядка употребления «имя → местоимение» позволяет Ахматовой заинтриговать читателя, заставить его балансировать между «идеальным» и «реальным» мирами (ср.: *Как сияло там и пело Нашей встречи чудо. Я вернуться не хотела Никуда оттуда*), в соответствии с отмеченным Т.В. Цивьян поэтическим принципом «неопределенной определенности»²⁵. И, как и в случае с местоименным наречием *здесь* (о чем уже шла речь выше), Ахматова использует для сохранения «интриги» категориальную многозначность лексемы *там*: *И, в памяти черной пошарив, найдешь До самого локтя перчатки, И ночь Петербурга, И в сумраке лож Тот запах и душный, и сладкий, И ветер с залива. А там, между строк, <...> Тебе улыбнётся презрительно Блок... — там* может означать не только «между «строк», но и «в памяти», «в сумраке лож», «в Петер-

бурге», а также иметь не пространственное, а временное значение «потом, впоследствии».

Т.В. Цивьян обращает внимание на то, что в поэзии Ахматовой «точные указания... ослабляются и генерализуются введением неопределенного местоимения»²⁶. Это касается и упоминаний о времени, превращающемся в «какой-то назначенный час», и указаний на неопределенное пространство или неопределенную сферу бытия, при которых «значение неопределенности... соотносено с точкой зрения говорящего»²⁷: *В черном небе звезды не видно, Гибель где-то здесь, очевидно; Это где-то там — у Тобрука, Это где-то здесь — за углом; И где-то близко, здесь цветут Поля Кашимира*; в той же функции используются и другие неопределенные местоимения: *Нам бы тогда же сделаться врагами, Почувствовав, что что-то здесь неладно*. Эти формы использует лишь Ахматова, Анненскому они просто не нужны: по меткому замечанию В.С.Воронина, его поэтический мир — это «неопределенное пространство, фиксируемое как “где-то”»²⁸.

Если в нормальной коммуникативной ситуации²⁹ *здесь* значит 'в том месте, где находится говорящий в момент речи', в поэтическом тексте мы довольно часто встречаемся с дейктической проекцией: «дейктический элемент, который нормально ориентируется на говорящего как на точку отсчета, оказывается ориентирован на слушающего»³⁰. Мир с координатой *здесь* порой расщепляется на сопряженные миры лирического героя и адресата: *Свиданье здесь назначено другому...; Ну-с, проводил на поезд, Вернулся, и solo, да! Здесь был ее кольчатый пояс, Брошка лежала — звезда...* (Анненский); *Но всем им [читателям] несомненно ясно, Каких за это ждать наград. Что оставаться здесь [в гостях у поэта] опасно, Что это не Эдемский сад* (Ахматова). Дейктической проекции подвергаются и временные указания. Как правило, координатам *здесь* и *там* соответствуют присущие им в норме временные параметры *сейчас* ('в настоящий момент', 'только что', 'в ближайшем будущем') и *тогда* ('в предшествующий/следующий момент', 'в прошлом', 'в будущем'). Однако, как и миры, пространственные отрезки могут обретать не свойственные им временные координаты: *И мнится — голос человека Здесь никогда не прозвучит, Лишь ветер каменного века — В ворота черные стучит; И голос из тринадцатого года Опять кричит: я здесь, я снова твой...* (Ахматова).

Как можно было заметить, у Анненского местоимение *здесь* соотносится с той точкой преломления перспективы восприя-

тия, в которой возникает некий мираж, то маняще-чудесный, то пугающе-мрачный, а мир, по образному выражению А. Барзаха, «уникализуется, одновременно теряя очертания». «Здесь мы с тобою лишь чудо», – так говорит Анненский о любом, кто способен посмотреть на мир его глазами, разделить его концепцию «жизнетворчества». Ахматова как будто подхватывает эту его реплику в творческом диалоге, пополняя «перечень чудес». У нее *здесь* встраивается в ряд других слов-символов, за которыми, как замечает В.В. Виноградов, «скрыт весь словесный ряд, рисующий “действительность”»³¹, но, кроме указательно-заместительной функции, это местоименное наречие выполняет и роль «эмоционального жеста», концентрируя внимание на неназванных переживаниях лирической героини³², которые и следует «прочувствовать» читателю. Это – точка, где являются «и ангел, и бес», совмещаются высокое и низменное, пространство и время – прошлое, сиюминутно-настоящее и будущее.

Примечания

- ¹ Из работ последних лет о поэтике Анненского назовём исследование: *Барзах А.* Тоска Анненского // Митин журнал. Вып. 53. СПб., 1996; *Иванова О.Ю.* «Здесь» и «Там» как интертекстуальные элементы поэтического творчества Иннокентия Анненского // Русский символизм и мировая культура. Сб. науч. тр. Вып. 3. М., 2009. Интересные наблюдения в отношении местоименной поэтики Ахматовой можно найти в работах: *Обухова О.* Заметки о поэтике Анны Ахматовой // *La Pietroburgo di Anna Achmatova.* Bologna, 1996; *Цивьян Т.В.* Наблюдения над категорией определённости-неопределённости в поэтическом тексте (поэтика Анны Ахматовой) // Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. СПб., 2001; *Никутьцева В.В.* Лаконизм и энергия выражения (ранняя лирика Анны Ахматовой) // Русский язык в школе. 2004. № 3.
- ² *Салма Н.* Анна Ахматова и Иннокентий Анненский (к вопросу о смене моделей мира на рубеже двух веков) // «Царственное слово». Ахматовские чтения. Вып. 1. М., 1992. С. 126.
- ³ *Падучева Е.В.* Семантические исследования. М., 1996. С. 258—259.
- ⁴ Эта роль лексем *здесь* обуславливается её языковой семантикой. В любом толковом словаре русского языка мы найдём такие её значения: 1. В этом месте (*Здесь я живу*). 2. В этот момент (*Здесь рассказчик замолчал*). 3. В этих обстоятельствах (*Здесь требуется забота*).
- ⁵ Словарь языка русской поэзии XX в. Т. 2. М., 2003. С. 208—217.
- ⁶ Словарь языка русской поэзии XX в. Т. 1. М., 2001. С. 3.
- ⁷ *Григорьев В.П.* Поэтика слова. М., 1979. С. 137, 148.
- ⁸ Такое понимание никак не противоречит следованию Ахматовой акмеистическому принципу «криптограммы»: «его цель — вызвать активность читателя в понимании, расшифровке, проникновении в многослойность смыслов» (*Обухова О.* Указ. соч. С. 110), а для этого требуется возможность совмещения точек зрения.
- ⁹ *Барзах А.* Указ. соч. С. 101.
- ¹⁰ *Цивьян Т.В.* Указ. соч. С. 170—171.
- ¹¹ *Виноградов В.В.* О поэзии Анны Ахматовой. Л., 1925. С. 138.
- ¹² Там же. 139.

- ¹³ Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С. 49.
- ¹⁴ Там же. С. 49.
- ¹⁵ Там же. С. 60; см. также: Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л., 1977. С. 38.
- ¹⁶ Ковтунова И.И. Указ. соч. С. 50.
- ¹⁷ Здесь *северно* означает, на наш взгляд, не только «чрезвычайно близко к северу», но и «холодно» как в буквальном, так и в переносном смысле — речь идёт, главным образом, об ощущении одиночества, пустоты, безразличия, равнодушия к лирической героине её окружения.
- ¹⁸ Цивьян Т.В. Указ. соч. С. 170.
- ¹⁹ Ковтунова И.И. Указ. соч. С. 60.
- ²⁰ Там же. С. 56.
- ²¹ Иванова О.Ю. Указ. соч. С. 56—57.
- ²² Там же. С. 56.
- ²³ Там же. С. 60.
- ²⁴ Северская О.И. Дейктические слова в поэтической лексикографии и языке поэзии XX в. (на примере лексемы *здесь*) // Проблемы авторской и общей лексикографии. Брянск, 2007.
- ²⁵ Цивьян Т.В. Указ. соч. С. 172.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Ковтунова И.И. Указ. соч. С. 57—58.
- ²⁸ Воронин В.С. Неклассические логические системы в лирике И. Анненского // Доклад на Международных научно-литературных чтениях, посвящённых 150-летию со дня рождения И.Ф. Анненского. М., Лит. ин-т им. А.М. Горького, 12—15 октября 2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://annensky.lib.ru/yubiley/voronin.htm>.
- ²⁹ Падучева Е.В. Указ. соч. С. 259.
- ³⁰ Там же. С. 260—261.
- ³¹ Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой. Указ. соч. С. 90.
- ³² Ср.: Никульцева В.В. Указ. соч. С. 85.